УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/70/15

Д.В. Кротова

В. ШАЛАМОВ И Н. ГУМИЛЕВ: К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ АВТОРА «КОЛЫМСКИХ ТЕТРАДЕЙ»

Раскрываются важнейшие аспекты формирования поэтической системы В. Шаламова, в частности влияние традиций Н. Гумилева. Прослежены принципиально значимые в поэтике Шаламова линии преемственности и противопоставления по отношению к мэтру акмеизма. К анализу привлекается не только корпус поэтического наследия Шаламова, но и его очерковая и эпистолярная проза, где акмеизм характеризуется как мировоззренческая система, а имя Гумилева названо в ряду «выдающихся русских поэтов» XX в.

Ключевые слова: *Шаламов, Гумилев, акмеизм, русская поэзия, предметность, образы-маски, природа и человек.*

Поэтическая генеалогия В. Шаламова прослежена пока еще далеко не в полной мере. Количество исследований, затрагивающих вопрос о взаимосвязях лирики Шаламова с разнообразными традициями предшествующей эпохи, на сегодняшний день весьма ограниченно¹. В частности, основательной литературоведческой проработки требует проблема преемственности Шаламова по отношению к традициям Серебряного века – именно этот аспект своей творческой генеалогии Шаламов подчеркивал, называя себя «наследником модернизма начала века» [6. С. 155]. Размышляя о традициях рубежа XIX–XX вв., Шаламов называл поэтов, которых считал наиболее влиятельными, и среди них – имя Н. Гумилева.

О Гумилеве Шаламов говорит в нескольких работах, например в очерках «Поэтическая интонация», «Поэт изнутри», «Русские поэты XX столетия и десталинизация» и др. В очерке «Библиотека поэта» Шаламов называет имя Гумилева в следующем контексте: «...самые выдающиеся русские поэты 20-го столетия, каждый из которых имеет свое лицо, свой язык, свою интонацию, свой голос» [7. Т. 5. С. 90]. О Гумилеве и его творчестве упоминается в рассказах Шаламова (напр., «Букинист»), а также в эпистолярном наследии: в переписке с Н. Я. Мандельштам (например, письмо от 29 июня 1965 г.), Н.И. Столяровой (письмо от 1965 г., точная дата неизвестна) и др.

В своих очерках, мемуарных заметках и письмах Шаламов много размышляет об акмеизме как «жизненном учении», об акмеистических закономерностях художественного мышления. В основе подобных заключений лежало скрупулезное исследование лирики Н. Гумилева, А. Ахматовой,

¹ Среди важнейших следует назвать труды В. Есипова [1], Е. Гофмана [2], Р. Чандлера [3], Вяч. Вс. Иванова [4], Н. Ивановой [5].

О. Мандельштама (а также В. Нарбута и М. Зенкевича — их имена в мемуарном и эпистолярном наследии Шаламова тоже упоминаются, хотя и реже).

Возможно ли говорить о каких-либо аспектах преемственности художественного мышления Шаламова по отношению к мэтру акмеизма Н. Гумилеву, о родстве их поэтических миров и в то же время о скрытой полемике Шаламова со столь высоко чтимым им мастером? Предлагаемая статья посвящена размышлению об этих вопросах.

Сходными, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, оказываются роль и значение Шаламова и Гумилева в истории русской поэзии. Оба стали своего рода «открывателями новых земель» (если использовать выражение самого Гумилева). В случае с Гумилевым речь идет прежде всего о мире Африки. Как известно, творчество Гумилева в значительной степени ассоциировалось у современников именно с «экзотической» темой. Безусловно, вклад поэта в русскую лирику ни в коем случае не исчерпывается этой сферой, но ее значение в художественном мире поэта очевидно. Как отмечает О. Алякринский, «основную, доминирующую черту его (Гумилева. – \mathcal{I} . \mathcal{K} .) творчества можно определить понятием экзотика. <...> С первых шагов в литературе Гумилева всегда влекли необычные, загадочные, удивительные страны и материки, эпохи и персонажи. Вот почему на протяжении многих лет, от сборника к сборнику, он вновь и вновь обращается к африканским, или скандинавским, или китайским сюжетам» [8. С. 1119].

Можно признать, что Шаламов, как и Гумилев, вошел в историю русской поэзии (и литературы в целом) как своего рода «открыватель новых земель». Но только он раскрыл перед читателями совсем иные миры: лагерный Север, мир вечной мерзлоты, страдания и «расчеловечивания», снегов и льда. Шаламов называл себя «единственным русским поэтом, показавшим душу человека на лагерном Крайнем Севере» [9. Т. 4. С. 321]. Как справедливо отмечает Е. Шкловский, «Варлам Шаламов с полным основанием чувствовал себя первопроходцем, первооткрывателем лагерной темы – первооткрывателем этой страны...» [10. С. 31]. Оба поэта показали самые разные грани новых для читателей миров: их жизнь и «дух», их бытовые реалии. Но если Гумилев направился в африканские страны как путешественник, то Шаламов на Север – как узник. Если цель Гумилева была сугубо исследовательской и познавательной, то Шаламов должен был прежде всего выживать, - но даже в условиях пограничья между жизнью и смертью Шаламову удалось воплотить мир Русского Севера, его природу и сущностные черты в своей лирике.

Родство Шаламова и Гумилева касается ряда творческих установок. В первую очередь речь идет об *акмеистических принципах*, определивших мышление Гумилева и столь значимых в поэтике Шаламова. В творчестве Шаламова преломляется целый ряд установок акмеизма, среди которых наиболее значимы следующие: принцип «самоценности реальных явлений», по Л.Г. Кихней [11. С. 9], т.е. представление о сущностной значимости предметной, физической стороны бытия, явлений видимого мира; ося-

заемость и вещественность образов; преломление сферы внутреннего через внешние проявления; особая роль поэтики телесности.

Ценность объективной, реальной действительности прямо декларировалась в акмеистических манифестах. Гумилев в статье «Наследие символизма и акмеизм» и Городецкий в эссе «Некоторые течения в современной русской поэзии» противопоставляли акмеистическое мышление символистскому именно по этому принципу: «Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма» [12. С. 86], «борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы вес и время, за нашу планету Землю» [13. С. 93]. Безусловно, внимание к внешней стороне действительности у Гумилева (как и у других акмеистов) вовсе не нивелирует сферу внутреннего, но сокровенное, душевное зачастую обретает выражение именно через конкретику предметного мира. Значимость названного принципа в лирике Гумилева подтверждается любым из его поэтических циклов, в том числе ранними, «доакмеистическими» («Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга»). «Фактически уже в раннем творчестве поэта обозначились те философско-эстетические установки, которые стали стержневыми на протяжении всего его творчества, обусловив целостность его лирической системы», – отмечает Л.Г. Кихней [14. С. 22].

Шаламова можно признать прямым наследником принципов акмеистического художественного мышления. В своих письмах и заметках Шаламов неоднократно подчеркивал значимость акмеизма – и как направления в русской поэзии, и как целостной мировоззренческой системы: «Доктрина, принципы акмеизма были такими верными и сильными, в них было угадано что-то такое важное для поэзии, что они дали силу на жизнь и на смерть, на героическую жизнь и на трагическую смерть» [7. Т. 6. С. 409]. Само понимание художественного творчества у Шаламова родственно акмеистическому, поскольку поэт при осмыслении этой темы акцентирует объективные и земные, а вовсе не иррациональные и таинственные грани: «...не люблю разговоров о смысле жизни, о бессмертии души. Считаю это бесполезным занятием. В моем понимании искусства нет ничего мистического, что потребовало бы особого словаря. Сама многозначность моей поэзии и прозы – отнюдь не какие-то теургические искания» [9. Т. 4. С. 384–385]. В поэтической системе Шаламова особенно значимую роль обретает сфера вещественных, осязаемых образов, которые, как и в акмеистической лирике, несут в себе и глубокое эмоциональное содержание и в то же время обладают безусловной самостоятельной ценностью. Среди образов внешнего мира доминирующая роль у Шаламова принадлежит природе, чаще всего – природе Севера. «Персонажи» шаламовской лирики – горы и реки, деревья и кустарники, цветы и травы («Стланик», «Сосны срубленные», «Букет», «Роща», «Гора», «Гора бредет, согнувши спину...», «Лед» и мн. др.). «Огромная часть природы – животные – остались как бы вне лирической поэзии. О животных пишут лишь баснописцы и детские поэты», - сетовал Шаламов [7. Т. 5. С. 74] и стремился в собственном творчестве восполнить этот пробел, многократно вводя в свою лирику образы животных и птиц («Пес», «Ястреб», «Белка», «Боже ты мой, сколько...», цикл «Славословие собакам» и др.). Призыв активно ввести подобную тему в мир поэзии справедливо было бы воспринять в значительной степени как продолжение акмеистических художественных установок. Лирика Шаламова отражает богатство природы, многообразие явлений окружающего мира, его звуки и голоса.

Шаламова можно с полным правом отнести к поэтам-философам, для которых на первый план выступают онтологические аспекты, проблемы человеческого и природного бытия; художественный мир Шаламова формируют прежде всего темы творчества, миссии поэта и его нравственного долга, преодоления чудовищных испытаний и жизни вопреки смертельному давлению. Осмысливаются же все эти темы в его поэзии всегда на основе предметных, отчетливо представимых образов. В лирике Шаламова читатель нечасто обнаружит отвлеченные лирические монологи, беспредметное выражение тех или иных эмоциональных состояний (что вполне характерно для символистов, например для К. Бальмонта, но глубоко чуждо акмеистической поэтике). Так, одно из самых репрезентативных в этом смысле шаламовских стихотворений - «Мне жить остаться - нет надежды...». Здесь воплощается мироощущение поэта-узника: убежденность в том, что надежды на жизнь больше нет и «драконова рука» неизбежно погубит его, - и в то же время парадоксальная уверенность в грядущем «воскресении» в стихах, в творчестве. Стихотворение заключает в себе в высшей степени характерную для Шаламова мировоззренческую установку: всесилие поэзии, которая побеждает даже смерть. При этом идея стихотворения обретает выражение в зримых образах-«картинах». Абстрактные, онтологические начала (образы смерти, жизни, творчества) преломляются сквозь призму предметных и прозрачных метафор: так, знаком «смертных испытаний» (говоря словами самого Шаламова) здесь становится беснующаяся пурга, грядущее «воскресение» поэта воплощается образами белых птиц и яблоневых цветов (метафора «стихи –цветы» пронизывает всю лирику Шаламова). В подобной «конкретности» образного ряда, в воплощении отвлеченных категорий сквозь призму осязаемых образов можно усмотреть самую непосредственную связь с акмеистическими принципами художественного мышления, в частности поэтикой Гумилева (что особенно очевидно при сравнении с символистским мышлением, тяготеющим зачастую к абстрактной метафорике, например образ «Вечности» у А. Белого, «Красоты» у Вяч. Иванова и др.).

В стихотворении «Неосторожный юг...» Шаламов призывает:

Мой заоконный мир, Являйся на бумагу, Ходи в тиши квартир Своим звериным шагом [7. Т. 3. С. 99].

Подобный призыв можно счесть своего рода «акмеистической декларацией»: «на бумагу» должен явиться прежде всего внешний, «заоконный» мир. Метафора «звериного шага» непосредственно отсылает к поэтике Гумилева – к соответствующему кругу образов его лирики и признанием в том, что «как адамисты, мы немного лесные звери» [12. С. 85].

Размышляя о сходных элементах мироощущения и поэтики Шаламова и Гумилева, нельзя не отметить ярко выраженное мужественное начало в художественном мире обоих. Известна одна из значимых линий противопоставления акмеизма и символизма: культу Вечной Женственности акмеисты противопоставили образ Адама, воплощающего «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь» [12. С. 83]. Именно такой «взгляд на жизнь» отражен в поэзии Гумилева: его лирический герой – рыцарь, путешественник, борец, покоритель новых земель. Гумилев утверждал, что его стихи прежде всего учат стойкости, мужеству, дают силы на преодоление жизненных испытаний. Достаточно вспомнить хрестоматийно известные слова Гумилева из стихотворения «Мои читатели»: «Я учу их, как не бояться, // Не бояться и делать что надо» [15. С. 227]. Это же утверждение мог бы отнести к своему творчеству и Шаламов, чье художественное слово (и вся жизнь) также несет в себе идею преодоления, противостояния любому давлению извне.

Вместе с тем названное общее свойство образного мира Шаламова и Гумилева реализуется в их поэзии по-разному. Так, лирический герой Шаламова — мужественный и стойкий — зачастую практически тождествен личности самого поэта. Шаламов практически никогда не прибегает к образам-«маскам», лирическое «я» в лирике Шаламова максимально сближено с «я» самого поэта. В этом смысле очевидно различие между поэтическим мышлением Шаламова и Гумилева: в лирике последнего образы-«маски» встречаются очень часто, «маска стала своеобразным художественным открытием Н. Гумилёва, помогавшим ему «входить неузнанным» всюду, куда влекла его романтическая мечта» [16]. Образы-маски Гумилева — это и конквистадор, и охотник, и путешественник, и Дон Жуан... Гумилев (правда, совсем нечасто) обращается и женским «маскам», например в стихотворении «Кенгуру». Подобный прием был бы немыслим в стихотворениях Шаламова.

В художественном конструировании образов-масок у Гумилева зачастую ощутимо влияние поэтики романтизма, например в фигуре конквистадора, ищущего «лилèю голубую», и ряде других. В лирике Шаламова же следы романтической образности значительно менее ощутимы. Основа лирики Шаламова — осмысление жестокой, суровой действительности, не противопоставляемой какому бы то ни было таинственному, мистическому идеалу. Литературная генеалогия Шаламова связана прежде всего с модернистской традицией, в то время как прямого и непосредственного наследования романтической образной системы читатель у Шаламова не обнаружит.

Размышляя о соотношении поэтики Шаламова и Гумилева, необходимо проанализировать и принципы раскрытия важнейшей для обоих образной

грани – речь идет о *сфере природы*. У Гумилева образы природы играют весьма существенную роль на всех этапах творческого пути. Гумилев обращается к самым разнообразным природным сферам: к африканской экзотике (которая, по замечанию Л.Г. Кихней, выступает «у Гумилева первоосновой жизни» [11. С. 10]), к условно-романтическому пейзажу (преимущественно в раннем творчестве), к природному миру родной страны например в цикле «Костер» («Осень», «Детство», «Природа») и др. У Шаламова же природные образы не только частотны – они являются основой его поэтического мира, и в подавляющем большинстве стихотворений именно эта сфера оказывается на первом плане.

Шаламова и Гумилева объединяет представление о природе как высшем, совершенном мире. Обоих поэтов можно считать в значительной степени наследниками *традиций Ф. Тютчева* в понимании природы. Преемственность гумилевского понимания природного мира по отношению к Тютчеву уже неоднократно отмечалась исследователями. Что касается Шаламова, то в своих заметках и очерках он нередко размышлял о Тютчеве, подчеркивая роль и значение этой фигуры в истории русской литературы: «Тютчев и Баратынский – вершины русской поэзии <...> В двадцатые и тридцатые годы имена Тютчева и Баратынского едва упоминались в школьных учебниках, хотя надо бы учить каждую их строку. Мандельштам говаривал, что в личной библиотеке русского поэта не должно быть Тютчева – всякий поэт должен знать Тютчева наизусть» [7. Т. 3. С. 447].

И Гумилев и Шаламов понимают природу, вслед за Тютчевым, как совершенный мир, наделенный и эмоционально-чувственным, и интеллектуально-рефлексивным началом. У Гумилева подобное представление нашло наиболее яркое отражение в стихотворении «Деревья», открывающем цикл «Костер» (1918):

Я знаю, что деревьям, а не нам, Дано величье совершенной жизни. На ласковой земле, сестре звездам, Мы – на чужбине, а они – в отчизне [15. C. 158].

Мир природы здесь намного более гармоничный и цельный, нежели мир человеческий. Деревья — «свободные зеленые народы»; природа, в соответствии с тютчевскими представлениями, обладает своим «языком» и «душой»: «Ключи поют, кричат — где сломан вяз, // Где листьями оделась сикомора» [15. С. 158].

Шаламов тоже трактует природный мир как совершенный, заключающий в себе истинную красоту бытия, высшие эстетические и онтологические смыслы («Тайга», «Упоительное бегство...», «Ветка», «Вдыхаю каждой порой кожи...», «Стланик», «Стихи в честь сосны» и др.). Шаламов,

¹ См., например: [17–19].

как и Тютчев, видит мир природы двойственным («два лика» тютчевской природы, по Ю. Лотману [20. С. 576]), несущим в себе не только гармонию, но и хаотическое, иррациональное начало («Мне жить остаться – нет надежды...», «Скользи, оленья нарта...», «Гроза» и др.), но именно в природе Шаламов ощущает особую, наполненную чувствами и глубокими смыслами жизнь. Шаламов не был религиозным человеком («Веру в Бога я потерял давно, лет в шесть» [7. Т. 4. С. 146]), но, размышляя о природе, он обращался порой даже к религиозной символике («Лицом к молящемуся миру...», «Внезапно молкнет птичье пенье...» и др.).

Таким образом, и Шаламова и Гумилева можно признать в значительной степени наследниками традиций Тютчева в понимании мира природы. Но между видением природы у Шаламова и Гумилева (при общей несомненной связи с тютчевскими «корнями») есть и принципиальные различия. Так, в цитированном выше стихотворении «Деревья» Гумилев видит природу совершенной, но бесстрастной, представления Гумилева вполне резонируют с пушкинскими строфами о «равнодушной природе» с ее «красою вечною». Лирический герой «Деревьев» мечтает уподобиться природному миру с его умиротворенностью и отрешенностью от людских забот, он хотел бы стать жителем «страны», «в которой мог не плакать и не петь я, // Безмолвно поднимаясь в вышину // Неисчислимыя тысячелетья!» [15. С. 158]. В стихотворении «Естество» природа тоже предстает миром, отрешенным от людских страстей:

Не человеческою речью Гудят пустынные ветра, И не усталость человечью Нам возвещают вечера [15. C. 297].

У Шаламова представление о соотношении природного и человеческого было совершенно иным. Шаламов утверждал, что природа «вовсе не равнодушна. Что пресловутой пушкинской равнодушной природы — в мире нет. А природа всегда или за человека, или против человека» [7. Т. 3. С. 490]. В лирике Шаламова подобная установка реализуется в полной мере. Сам поэт подчеркивал это неоднократно: «Привлечение, вовлечение мира в борьбу людей, в злободневность считаю своей заслугой в русской поэзии» [7. Т. 3. С. 489]. Своего рода поэтическим манифестом, выражающим подобную позицию, можно счесть стихотворение «Я вовсе не бежал в природу…»:

Я вовсе не бежал в природу, Наоборот – Я звезды вызвал с небосвода, Привел в народ.

И в рамках театральных правил И для людей

В игре участвовать заставил Лес-лицедей.

Любая веточка послушна Такой судьбе. И нет природы, равнодушной К людской борьбе [7. Т. 3. С. 397].

[7. 1. 3. 6. 377].

Здесь изображена отнюдь не бесстрастная природа, напротив, она вовлечена в человеческий мир и становится активным участником любой людской «игры».

Немыслим для Шаламова и мотив «пересоздания» природы, который порой звучит в поэзии Гумилева. Лирический герой Гумилева не желает мириться со «скудостью» родной природы: ему не нравится «...луг, где сладкий запах меда // Смешался с запахом болот», «...ветра дикая заплачка, // Как отдаленный вой волков; // Да над сосной курчавой скачка // Каких-то пегих облаков» [15. С. 162]. Он желал бы видеть совсем иную природу, праздничную, нарядную и потрясающую воображение: «Земля, к чему шутить со мною: // Одежды нищенские сбрось // И стань, как ты и есть, звездою, // Огнем пронизанной насквозь!» [15. С. 162]. Подлинный «лик» природы, по Гумилеву, должен быть блистательным, окутанным ореолом романтики.

Шаламов же воспринимает природу как неизменную данность, ее «истинный облик» – именно тот, каким человек видит его в своей повседневной жизни, и именно такая природа активно участвует в жизни человека, помогает или противостоит ему.

Сопоставляя художественные миры Шаламова и Гумилева, нельзя не отметить общность подхода к вопросам поэтической техники. В поэзии Шаламова, как и у акмеистов (у Гумилева в первую очередь), особой значимостью в творческом процессе обладали такие характеристики, как отчетливость и рельефность образного ряда. Г. Фрилендер высказывает справедливое суждение о творческих приоритетах Гумилева-поэта: «...строгая предметность, предельная четкость и выразительность стиха при столь же строгой, чеканной простоте его внешнего композиционного построения и отделки» [21]. Представления Шаламова во многом резонируют с гумилевскими. Достаточно вспомнить важнейшую поэтическую установку Шаламова: чтобы стих «Был точен – тоже как топор // У лесорубов в чаще черной, // Валящих лес таежных гор» [7. Т. 3. С. 168]. Шаламовские образы никогда не бывают неопределенными, расплывчатыми, затуманенными. Стихотворения Шаламова, даже связанные с осмыслением абстрактных, онтологических категорий, как мы уже отмечали, основываются на зримых, предметных и отчетливо обрисованных образах.

Как и Гумилев (и вообще акмеисты), Шаламов уделял большое внимание категории мастерства, но полагал, что суть поэзии определяется сугубо со-держательной стороной, а технические умения художника (при всей значимости) играют подчиненную роль. «Без чистой крови нет стихотворений,

нет стихотворений без судьбы, без малой трагедии», — формулирует Шаламов в эссе «Кое-что о моих стихах» [7. Т. 5. С. 111]. Об этом же Шаламов размышляет и в лирике, порой даже противопоставляя первостепенное значение содержательной стороны и вторичность «ремесленного» плана:

Стихи — это судьба, не ремесло, И если кровь не выступит на строчках, Душа не обнажится наголо, То наблюдений, даже самых точных, И самой небывалой новизны Не хватит у любого виртуоза, Чтоб вызвать в мире взрывы тишины И к горлу подступающие слезы

[7. T. 3. C. 388].

Выдвигая на первый план именно содержательный, а не формальный критерий, Шаламов вовсе не расходился с акмеистами. Ведь и Гумилев, постоянно подчеркивая роль и значение категории мастерства, называл всё же первым «требованием», которому должно удовлетворять настоящее стихотворение, – «мысль и чувство» [22. С. 10].

В. Шаламов – поэт сложной и разветвленной генеалогии. Из всех модернистских направлений начала века для Шаламова одним из наиболее значимых ориентиров стал именно акмеизм. В статье прослежена линия преемственности по отношению к гумилевской интерпретации акмеистических художественных закономерностей. Детализированное выявление преемственности Шаламова по отношению к другим ведущим представителям акмеизма – прежде всего А. Ахматовой и О. Мандельштаму – задача дальнейших исследований. Проведенный анализ позволяет не только осмыслить поэтическую генеалогию Шаламова, но и проследить, насколько мощным было влияние акмеистического импульса в поэзии XX столетия.

Литература

- 1. Есипов В.В. Шаламов. М.: Молодая гвардия, 2012. 346 с.
- 2. *Гофман Е.Л.* «Видны царапины рояля...» // Знамя. 2015. № 3. С. 198–207.
- 3. Чандлер Р. «Колымой он проверяет культуру»: Шаламов как поэт // Закон сопротивления распаду: Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века: сб. научн. тр. / сост. Л. Бабка, С. Соловьёв, В. Есипов, Я. Махонин. Прага; Москва, 2017. С. 13–21.
- 4. *Иванов Вяч.Вс.* Поэзия Шаламова // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории : сборник трудов международной научной конференции / сост. и ред. С.М. Соловьев. М., 2013. С. 31–41.
- 5. *Йванова Н*. Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения // Знамя. 2007. № 9. С. 198–207.
 - 6. Шаламов В.Т. Из записных книжек // Знамя. 1995. № 6. С. 135–175.
 - 7. Шаламов В.Т. Собрание сочинений. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 1–7.
- 8. Алякринский O. Фламинго в лазури // Гумилев Н.С. Полн. собра. соч.: в 1 т. М., 2017. С. 1119–1121.

- 9. Шаламов В. Собрание сочинений. М.: Худож. лит.: Вагриус, 1998. Т. 1-4.
- 10. Шкловский Е.А. Варлам Шаламов. М.: Знание, 1991. 64 с.
- 11. *Кихней Л.Г.* Акмеизм как течение // История русской литературы Серебряного века (1890-е начало 1920-х годов). Ч. 3:. Акмеизм, футуризм и другие. М., 2017. С. 6—21.
- 12. *Гумилев Н.С.* Наследие символизма и акмеизм // Поэтические течения в русской литературе конца XIX начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика: хрестоматия / сост. А.Г. Соколов. М., 1988. С. 83–87.
- 13. Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Поэтические течения в русской литературе конца XIX начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика: хрестоматия / сост. А.Г. Соколов. М., 1988. С. 90–96.
- 14. *Кихней Л.Г.* Н.С. Гумилев // История русской литературы Серебряного века (1890-е начало 1920-х годов). Ч. 3: Акмеизм, футуризм и другие. М., 2017. С. 21–39.
 - 15. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 1 т. М.: Альфа-книга, 2017. 1148 с.
- 16. *Павловский А.* О творчестве Николая Гумилёва и проблемах его изучения // Николай Гумилёв: Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. URL: https://gumilev.ru/about/59/.
- 17. Баскер М. Ранний Гумилёв: путь к акмеизму. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 160 с.
 - 18. Зобнин Ю.В. Гумилев поэт Православия. СПб. : СПбГУП, 2001. 384 с.
- 19. *Саяпина (Кудрявцева) А.С.* К вопросу о традициях Ф. Тютчева у Н.С. Гумилева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2007. С. 19–21.
- 20. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб., 2001. С. 565-594.
- 21. Фрилендер Г. Н.С. Гумилёв критик и теоретик поэзии // Николай Гумилёв: Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. URL: https://gumilev.ru/about/60/.
 - 22. Гумилев Н.С. Жизнь стиха // Соч. : в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 7–16.

Varlam Shalamov and Nikolay Gumilyov: On the Poetic Genealogy of the Author of Kolyma Tales

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 70. 273–284. DOI: 10.17223/19986645/70/15

Daria V. Krotova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: da-kro@yandex.ru

Keywords: Shalamov, Gumilyov, Russian poetry, tangibility, images-masks, nature and human.

The article examines a very little-studied issue: the most important aspects of Varlam Shalamov's poetry system formation, in particular, the influence of Nikolay Gumilyov's traditions on his artistic consciousness. The aim of the study is to trace the lines of continuity and opposition to the master of acmeism that are fundamentally significant in Shalamov's poetry. The analysis involves not only Shalamov's poetic heritage, but also his essay and epistolary prose (letters to N.Ya. Mandelstam, N.I. Stolyarova, essays "Poetry Intonation", "Poet from Within", "Russian Poets of the 20th Century and De-Stalinization", "Library of the Poet"). The study mainly employed comparative (Shalamov's and Gumilyov's art systems, theoretical orientations and poetic thinking principles are compared) and hermeneutic methods. The significance of Shalamov and Gumilyov in the history of Russian poetry is paradoxically similar: both became a kind of "discoverers of new lands". In case of Gumilyov, it is primarily about exotic spheres. Shalamov, who called himself "the only Russian poet who showed the soul of man in the camp Far North", acquainted readers with the world of permafrost, suffering and "dehumanization". The affinity of Shalamov and Gumilyov also concerns creative orientations. First of all, it is acmeistic principles, which played the main role in

Gumilyov's thinking and were so important in Shalamov's poetry. Shalamov's understanding of artistic creativity is related to acmeistic, as the poet emphasizes objective and earthly facets, not irrational and mysterious ones. In Shalamov's poetic system, the sphere of material images has a particularly significant role, like in acmeist lyrics (in Gumilyov's, in particular). Material images have a deep emotional content and, at the same time, an unconditional independent value. The most important Shalamov's ontological aspects (man and nature; life and death; creativity; poet's mission) are conceived on the basis of subject imagery. In Shalamov's lyrics, the reader rarely discovers abstract lyrical monologues (which is quite typical of symbolists, but deeply alien to acmeist poetry). Among the similar elements of Shalamov's and Gumilyov's world perception and poetry, there is a pronounced manly facet in their artistic worlds. A comparative analysis of the artistic worlds of Shalamov and Gumilyov also involves the interpretation of the sphere of nature. It is proved that the works of the two poets continue Tyutchev' traditions. The conclusion is formulated that it was acmeism that became one of the most significant guidelines for Shalamov; continuity to Gumilyov's interpretation of acmeist patterns is explored. The analysis allows not only understanding Shalamov's poetic genealogy, but also tracing how powerful the influence of acmeism in the 20th-century poetry was.

References

- 1. Esipov, V.V. (2012) Shalamov. Moscow: Molodaya gyardiya. (In Russian).
- 2. Gofman, E.L. (2015) "Vidny tsarapiny royalya..." ["Scratches of the piano are visible..."]. *Znamya*. 3. pp. 198–207.
- 3. Chandler, R. (2017) "Kolymoy on proveryaet kul'turu": Shalamov kak poet ["With Kolyma, he tests culture": Shalamov as a poet]. In: Babka, L. et al. (eds) *Zakon soprotivleniya raspadu: Osobennosti prozy i poezii Varlama Shalamova i ikh vospriyatie v nachale XXI veka* [Law of resistance to decay: Features of Varlam Shalamov's prose and poetry and their perception at the beginning of the 21st century]. Prague; Moscow: National Library of the Czech Republic; Slavic Library. pp. 13–21.
- 4. Ivanov, V.V. (2013) [Poetry of Shalamov]. *Varlam Shalamov v kontekste mirovoy literatury i sovetskoy istorii* [Varlam Shalamov in the context of world literature and Soviet history]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Litera. pp. 31–41.
- 5. Ivanova, N. (2007) Varlam Shalamov i Boris Pasternak: k istorii odnogo stikhotvoreniya [Varlam Shalamov and Boris Pasternak: to the history of one poem]. *Znamya*. 9. pp. 198–207.
 - 6. Shalamov, V.T. (1995) Iz zapisnykh knizhek [From notebooks]. Znamya. 6. pp. 135–175.
- 7. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vols 1–7. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.
- 8. Alyakrinskiy, O. (2017) Flamingo v lazuri [Flamingo in azure]. In: Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 1 t.* [Complete works: in 1 volume]. Moscow: Al'fa-kniga. pp. 1119–1121.
- 9. Shalamov, V. (1998) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vols 1–4. Moscow: Khudozh. lit.: Vagrius.
 - 10. Shklovskiy, E.A. (1991) Varlam Shalamov. Moscow: Znanie. (In Russian).
- 11. Kikhney, L.G. (2017) Akmeizm kak techenie [Acmeism as a Current]. In: *Istoriya russkoy literatury Serebryanogo veka (1890-e nachalo 1920-kh godov)* [History of Russian Literature of the Silver Age (1890s early 1920s)]. Pt. 3. Moscow: Yurayt. pp. 6–21.
- 12. Gumilyov, N.S. (1988) Nasledie simvolizma i akmeizm [The legacy of symbolism and acmeism]. In: Sokolov, A.G. *Poeticheskie techeniya v russkoy literature kontsa XIX nachala XX veka: Literaturnye manifesty i khudozhestvennaya praktika: khrestomatiya* [Poetic trends in Russian literature of the late 19th early 20th centuries: Literary manifestos and artistic practice: a reader]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 83–87.
- 13. Gorodetskiy, S. (1988) Nekotorye techeniya v sovremennoy russkoy poezii [Some trends in modern Russian poetry]. In: Sokolov, A.G. *Poeticheskie techeniya v russkoy literature kontsa*

- XIX nachala XX veka: Literaturnye manifesty i khudozhestvennaya praktika: khrestomatiya [Poetic trends in Russian literature of the late 19th early 20th centuries: Literary manifestos and artistic practice: a reader]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 90–96.
- 14. Kikhney, L.G. (2017) N.S. Gumilyov. In: *Istoriya russkoy literatury Serebryanogo veka (1890-e nachalo 1920-kh godov)* [History of Russian Literature of the Silver Age (1890s early 1920s)]. Pt. 3. Moscow: Yurayt. pp. 21–39.
- 15. Gumilev, N.S. (2017) *Polnoe sobranie sochineniy: v 1 t.* [Complete works: in 1 volume]. Moscow: Al'fa-kniga.
- 16. Pavlovskiy, A. (1994) *O tvorchestve Nikolaya Gumileva i problemakh ego izucheniya* [On Nikolay Gumilyov's oeuvre and the problems of its study]. [Online] Available from: https://gumilev.ru/about/59/.
- 17. Basker, M. (2000) *Ranniy Gumilev: put' k akmeizmu* [Early Gumilev: the path to acmeism]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
- 18. Zobnin, Yu.V. (2001) *Gumilev poet Pravoslaviya* [Gumilyov is a poet of Orthodoxy]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.
- 19. Sayapina, A.S. (2007) K voprosu o traditsiyakh F. Tyutcheva u N.S. Gumileva [On the traditions of F. Tyutchev in N. S. Gumilyov]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki.* Special issue. pp. 19–21.
- 20. Lotman, Yu.M. (2001) *O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta* [On poets and poetry: Analysis of the poetic text]. St. Petersburg: Iskusstvo SPB. pp. 565–594.
- 21. Frilender, G. (1994) *N.S. Gumilev kritik i teoretik poezii* [N.S. Gumilyov as a critic and theorist of poetry]. [Online] Available from: https://gumilev.ru/about/60/.
- 22. Gumilyov, N.S. (1991) *Soch.:* v 3 t. [Works: In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Khud. lit. pp. 7–16.